ПАРАДОКСЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА
МИХАИЛ ШЕВЧЕНКО
АЛЕКСАНДР ЧАЯНОВ

КРЕПОСТНАЯ РОССИЯ

Мудрость народа или произвол власти?

Михаил Минович Шевченко
Сергей Георгиевич Кара-Мурза
Александр Васильевич Чаянов

Крепостная Россия. Мудрость народа или произвол власти?

Серия «Парадоксы русской истории»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18397964
Крепостная Россия. Мудрость народа или произвол власти? / С.Г. Кара-Мурза, М.М. Шевченко, А.В. Чаянов.: Алгоритм; Москва; 2016
ISBN 978-5-906842-33-6

Аннотация

В феврале 1861 года Александр II отменил крепостное право в России. С тех пор прошло 155 лет, но споры не утихают до сих пор: чем была крепостная система для нашей страны – неизбежным злом или самобытным путем развития? В книге, представленной вашему вниманию, приводится подробная история крепостного права в России, написанная Михаилом Шевченко, крупнейшим специалистом по аграрным и социальным отношениям. Автор показывает, почему возникло крепостное право в России, в чем его сущность и какие этапы оно

прошло от зарождения до падения включительно. Развернутое предисловие к книге написал известный социолог, историк и публицист Сергей Кара-Мурза, а в качестве Приложения дается большая статья классика российской социологии и экономики Александра Чаянова на эту же тему.

Содержание

С.Г. Кара-Мурза. Социальный расизм и русофобия 5
М.М. Шевченко. История крепостного права в России 16
Глава I 16
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Сергей Георгиевич Кара-Мурза, Михаил Минович Шевченко, Александр Васильевич Чаянов Крепостная Россия. Мудрость народа или произвол власти?

С.Г. Кара-Мурза. Социальный расизм и русофобия

Очень важным типом отношения к людям является расизм. В основе его лежит представление о том, что человеческий род не един, а делится на подвиды— высшие и низшие. Расизм – часть мировоззрения, и потому влияет и на отношения внутри каждого народа. Например, на Западе социальный расизм в отношении к бедным, а затем к пролетариям («расе рабочих»), прямо вытекал из расизма этнического. Впрочем, какой из видов расизма возник раньше – пред-

мет дискуссии. Социолог из США Ч. Томпсон, изучавший связь между расовыми и социальными отношениями, писал: «В Англии, где промышленная революция протекала быстрее, чем в остальной Европе, социальный хаос, порожденный драконовской перестройкой экономики, превратил обнищавших детей в пушечное мясо, которым позже стали африканские негры. Аргументы, которыми в тот момент оправдывали такое обращение с детьми, были абсолютно теми же, которыми впоследствии оправдывали обращение с рабами».

Современный этнический расизм возник на Западе в период Великих географических открытий под действием нарождающегося капитализма с присущей ему необходимостью экспансии в иные земли и культуры (ради серебра, земли, сырья, рынков сбыта, рабочей силы). Историк капитализма Фернан Бродель сформулировал это таким образом: «Капитализм вовсе не мог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда». В середине XVIII века Англия только из Индии извлекала ежегодно доход, равный трети всех инвестиций в Великобритании. Если учесть доход от всех ее обширных колоний, то выйдет, что за их счет делались практически все инвестиции и поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т. д. Как мы знаем, Россия всегда развивалась «без услужливой помощи чужого труда», хотя для этого самим жителям России приходилось много и тяжело трудиться (беда в том, что не все у нас это понимают и на трудящихся своей страны кое-

кто смотрит свысока).

На интенсивность расизма сильно повлиял кальвинизм с его учением о делении людей на избранных и отверженных. Католики, близко познакомившись с индейцами в ходе завоевания Америки после ее открытия в 1492 г., быстро убедились, что это полноценные люди («Бог сотворил этих простых людей без пороков и хитрости»), и в 1537 г. Папа Римский формально признал индейцев людьми («имеющими душу»). Напротив, пуритане в Северной Америке даже в XIX веке вели геноцид индейцев в полной уверенности, что не нарушают прав человека. Основатель теории гражданского общества английский философ Джон Локк помогал составлять конституции рабовладельческих штатов США и вложил все свои сбережения в работорговлю. Даже великий Кант писал, что «у африканских негров по природе отсутствуют чувства, за исключением самых незначительных».

Мы недооцениваем того влияния, которое рабство в Новое время оказывало на западное общество в целом, сводим дело к рабству в США. Колонии были частью европейских государств, и работорговлей занимались европейцы. В 1730 г. Ливерпуль использовал для торговли рабами 15 кораблей, в 1751 г. – 53 корабля, в 1760 г. – 74, в 1770 г. – 96 и в 1792 г. – 132 корабля. Вот данные из доклада 1803 года: В 1790 г. в английской Вест-Индии (штаты США, бывшие английской колонией) на 1 свободного приходилось 10 рабов, во французской – 14, в голландской – 23. Да и в европейских

столицах присутствовало рабство. В Лиссабоне в 1633 г. при общей численности населения около 100 тыс. человек только черных рабов насчитывалось более 15 тысяч.

Заметим, что гражданское общество выходцев из Европы триста лет использовало рабство в США без всяких моральных проблем, считаясь оплотом демократии – но в то же время с Запада осыпали проклятьями «деспотическую Россию» за крепостное право, просуществовавшее очень недолго и лишь в центральных областях. Кстати, надо помнить, что наше восприятие истории России искажено литературой. Прочитав в школе «Муму», мы создаем в воображении страшный образ крепостного права. Так и должно быть, но нельзя и забывать, что среди крестьян России доля крепостных лишь на короткий срок достигла половины, а уже в 1830 г. составляла лишь 37 %. Право помещиков продавать крестьян без земли просуществовало всего 35 лет и было отменено в 1802 г.

Русский экономист Александр Васильевич Чаянов в важном для нас сегодня труде «К вопросу о теории некапиталистических систем хозяйства» (1924) показывает, что капиталистическое хозяйство Запада в политэкономическом смысле генетически родственно рабовладельческому хозяйству Древнего Рима. Напротив, крепостное русское хозяйство было организовано в обычной для трудового хозяйства форме, хотя и отдавало владельцу определенную часть продукта как крепостную ренту. Народное хозяйство России на-

чиная с первобытно-общинного строя пошло по иному пути развития («без рабства»), чем хозяйство Римской империи и затем Западной Европы.

Для русских проблема этнического расизма была неактуальна – в зонах интенсивных межэтнических контактов казаки везде вступали с местными этносами в обмен культурными навыками и достижениями (достаточно сравнить облик и промыслы казаков Дона, Кубани, Урала, Семиречья и Амура). Таким же было отношение землепроходцев к народам Сибири и Севера. Сложившийся в российском обществе тип межэтнического общежития – отдельная тема, которая здесь не затрагивается. Другое дело – социальный расизм, которым сопровождались и в России вспышки социальных противоречий.

На Западе социальный расизм в период формирования капитализма стал частью культуры, даже вошел в культурное ядро общества. Им был проникнут и либерализм как основное идеологическое учение. Адам Смит писал: «Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо… Но в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны неизбежно впадать трудящиеся бедняки, т. е. основная масса народа». Это ложное суждение – продукт идеологии, опровергнутый наукой.

В Средние века социальный расизм, свойственный рабо-

владельческому Риму, ослабевал под влиянием христианства. Но уже в XVI веке («Возрождение») Запад стал осознавать себя как наследника Рима и восстанавливать в правах рабство. Через Турцию поступали в Европу угнанные крымскими татарами славяне, возродили работорговлю фризы. Фризы – народность, родственная саксам – жили на побережье Северного моря в районе устья Рейна (занятая ими территория называлась Фрисландией). Потом они заселяли Англию. Это был народ фермеров, которые в то же время были торговцами и мореходами. В Средние века главным товаром в их торговле стали рабы, которых они скупали у норманнов. Хозяйственный уклад фризов позже был воспроизведен как современный капитализм.

Социальный расизм – один из корней мальтузианства, учения о необходимости воспрепятствовать «размножению бедных», которые подспудно воспринимались как отверженные. Рикардо писал, что первая задача рынка – через зарплату регулировать численность «расы рабочих». Все теории рынка были предельно жестоки: рынок должен был убивать лишних, как бездушный механизм. Это выразил Томас-Роберт Мальтус, который в начале XIX века был в Англии одним из наиболее читаемых авторов и выражал «стиль мышления» того времени: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на зем-

ле. Природа повелевает ему удалиться, и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор».

У Мальтуса Дарвин взял метафору борьбы за существование и перенес ее из человеческого общества, к которому прилагал ее Мальтус, в дикую природу. Оттуда эта метафора, уже с авторитетом научной теории, вернулась в сферу социальных отношений. Так возник социал-дарвинизм- учение, переносящее животный принцип борьбы за существование в общество людей. Это придает неравенству видимость «естественного» закона. Английский философ Герберт Спенсер писал: «Бедность бездарных, несчастья, обрушивающиеся на неблагоразумных, голод, изнуряющий бездельников, и то, что сильные оттесняют слабых, оставляя многих на мели и в нищете – все это воля мудрого и всеблагого провидения».

Фридрих Ницше говорит еще более жестко: «Сострадание, позволяющее слабым и угнетенным выживать и иметь потомство, затрудняет действие природных законов эволюции. Оно ускоряет вырождение, разрушает вид, отрицает жизнь. Почему другие биологические виды животных остаются здоровыми? Потому что они не знают сострадания». Василий Васильевич Розанов заметил: «Ницше почтили потому, что он был немец, и притом – страдающий (болезнь). Но если бы русский и от себя заговорил бы в духе: «Падающего еще толкни», – его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать».

Известно, что мальтузианства не было в русской культуре

XIX века (оно внедряется только сегодня, впрочем, уже не в русской, а искусственной «рыночной» культуре, порожденной нынешним кризисом). Социальные механизмы, препятствующие распространению мальтузианских взглядов, были издавна выработаны крестьянской общиной (наделение землей «по едокам»). Предупреждения против социал-дарвинизма регулярно «произносились» в летописях и «поучениях» князей и царей. Еще в «Русской правде» Ярослава Мудрого сказано: «Не позволяйте сильным погубить человека».

При восприятии дарвинизма в русской науке произошло его очищение от мальтузианской компоненты, что является заслуживающим самого пристального внимания феноменом культуры. В своих комментариях русские ученые предупреждали, что дарвинизм – английская теория, которая вдохновляется политэкономическими концепциями либеральной буржуазии. Произошла адаптация дарвинизма к русской культурной среде («Дарвин без Мальтуса»), так что концепция межвидовой борьбы за существование была дополнена теорией межвидовой взаимопомощи.

Н.А. Бердяев писал в 1946 г.: «Есть два понимания общества: или общество понимается как природа, или общество понимается как дух. Если общество есть природа, то оправдывается насилие сильного над слабым, подбор сильных и приспособленных, воля к могуществу, господство человека над человеком, рабство и неравенство, человек человеку волк. Если общество есть дух, то утверждается выс-

шая ценность человека, права человека, свобода, равенство и братство… Это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л. Толстым и Ницше».

Всплески социал-дарвинизма – необычное явление в русской культуре. Один Россия пережила в начале XX века в момент назревания катастрофического социального конфликта. Другой переживает сегодня.

В начале XX века, по мере наступления капитализма западного типа, подрывались социально-философские основы сословного общества России, менялись ценности и «привилегированных классов», и трудящихся – представления о человеке и его правах. Изменения в системе ценностей сразу приводили к очевидным для всех изменениям в жизнеустройстве – совершался отход от патерналистских установок помещиков, владельцев предприятий и царского правительства. В культуру правящих классов просачивался и социал-дарвинизм, идеология западной буржуазии.

Та небольшая часть капиталистов России, которая смогла войти в симбиоз с «импортированным» западным капитализмом, после 1905 г. заняла столь радикальную социал-дарвинистскую позицию, что вступила в конфликт с культурными нормами подавляющего большинства населения. Так, группа московских миллионеров, выступив в 1906 г. в поддержку столыпинской реформы, заявила в беседе с корреспондентом журнала «Экономист России»: «Мы почти все за

закон 9 ноября… Дифференциации мы нисколько не боимся… Из 100 полуголодных будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы – англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем».

Нарастание революционных настроений в крестьянстве вызвало резкий сдвиг социальной философии элиты вправо. Социальный расизм стал характерен даже для умеренно левых философов. Например, Н.А. Бердяев в тот момент излагал определенно расистские представления: «Культура существует в нашей крови. Культура – дело расы и расового подбора… «Просветительное» и «революционное» сознание… затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование «белой кости» есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт».

Социальный расизм элиты сопровождался всплеском русофобии – разновидности расизма этнического, направленного против русского простонародья, а затем и вообще против русских. После крестьянских волнений 1902–1907 гг. либеральная элита качнулась от «народопоклонства» к «народоненавистничеству». Кадет и известный культуролог Ми-

хаил Осипович Гершензон писал в книге «Вехи»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Видный историк академик Веселовский пишет в дневнике: «Еще в 1904–1906 гг. я удивлялся, как и на чем держится такое историческое недоразумение, как Российская империя. Теперь мое мнение о народе не изменилось. Быдло осталось быдлом… Последние ветви славянской расы оказались столь же неспособными усвоить и развивать дальше европейскую культуру и выработать прочное государство, как и другие ветви, раньше впавшие в рабство». В другом месте он говорит определеннее: «Годами, мало-помалу, у меня складывалось убеждение, что русские не только культурно отсталая, но и низшая раса… Повседневное наблюдение постоянно приводило к выводу, что иностранцы и русские смешанного происхождения даровитее, культурнее и значительно выше, как материал для культуры».

Понятно, что все это сплачивало русское простонародье ответной ненавистью и порождало в нем ответный социальный расизм, что и проявилось во взаимной жестокости Гражданской войны.

М.М. Шевченко. История крепостного права в России

Глава I
Дореволюционная и советская историография о крепостном праве в России

Выше уже отмечалось, что о крепостном праве в России писали многие и много. Существующая по этой проблеме литература прямо-таки необозрима. Она насчитывает сотни больших и малых работ, в которых исследованы различные ее аспекты. В своем историографическом обзоре мы остановимся только на вопросе происхождения крепостного права, поскольку он был и продолжает оставаться наиболее спорным в исторической науке. Как же трактовался этот вопрос в дореволюционное время? Известно, что в русской дворянско-буржуазной исторической науке при наличии множества оттенков по вопросу закрепощения крестьян довольно четко обозначились две основные концепции или теории – указная и безуказная. Основоположником теории указного происхождения крепостного права справедливо считается В.Н.

Татищев. В 1734 г., разбирая старые архивные рукописи, он нашел Судебник 1550 г., в 88-й статье которого говорится об установлении определенного срока для свободного перехода крестьян от одного землевладельца к другому. Найденный Татищевым экземпляр Судебника представлял собой великолепно оформленную рукопись, и он подарил ее «яко вещь дивную» императрице Анне Ивановне, а копию с нее отдал в Академию наук. Надо заметить, что более ранние законодательные памятники, имевшие хождение в государстве между Русской Правдой и Судебником 1550 г., в то время ученым не были еще известны, хотя Татищев и догадывался об их существовании.

Наряду с Судебником Ивана IV В.Н. Татищев отыскал указ о беглых крестьянах от 24 ноября 1597 г. В указе записано: «Которые крестьяне… из поместей, и из вотчин… выбежали до нынешнего 106-го году за пять лет, – и на тех беглых крестьян в их побеге… давати суд и сыскивать накрепко всякими сыски. А по суду и по сыску тех крестьян беглых с женами и с детьми и со всеми их животы возити их назад, где кто жил…»[1]. Сопоставляя далее статью 88 Судебника 1550 г. о праве крестьянского перехода в Юрьев день осенний с указом 1597 г. о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян, Татищев пришел к выводу, что за пять лет до 1597 г. «закон о непереходе крестьян учинен», т. е. что в 1592 г. был издан указ об отмене Юрьева дня и о прикреплении крестьян к земле, на которой они сидели, только текст этого указа не

сохранился.

Так родил ась теория об указном закрепощении крестьян. Эту теорию в основном приняли и другие историки XVIII столетия, в частности И.Н. Болтин и М.М. Щербатов. В начале XIX в. сторонником указной теории выступил Н.М. Карамзин, который своим авторитетом надолго утвердил татищевский взгляд в русской историографии.

По мнению Н.М. Карамзина, крестьяне до конца XVI в. были вольными хлебопашцами свободными арендаторами чужой земли. Но в 1592 или 1593 г. Борис Годунов издал закон, которым отменил переходы крестьян в Юрьев день и сделал их крепостными. «Мы знаем, – писал Н.М. Карамзин, – что крестьяне искони имели в России гражданскую свободу, но без собственности недвижимой: свободу в назначенный законом срок переходить с места на место, от владельца к владельцу, с условием обрабатывать часть земли для себя, другую – для господина или платить ему оброк. Правитель (Борис Годунов. – М.Ш.) видел невыгоды сего перехода, который часто обманывал надежду земледельцев сыскать господина лучшего, не давал им обживаться, привыкать к месту и к людям для успехов хозяйства…, – умножал число бродяг и бедность: пустели села и деревни, оставляемые кочевыми жителями; домы обитаемые, или хижины, падали от нерадения хозяев временных…: без сомнения желая добра не только владельцам, но и работникам сельским – желая утвердить между ими союз неизменный, как бы се-

мейственный, основанный на единстве выгод, на благосостоянии общем, нераздельном, – он в 1592 или в 1593 году законом уничтожил свободный переход крестьян из волости в волость, из села в село и навеки укрепил их за господами»[2].

Таким образом, Н.М. Карамзин, как и В.Н. Татищев, считал, что крестьяне в России были закрепощены специальным законом при правлении Бориса Годунова. Причем он явно оправдывал издание этого закона, который, с его точки зрения, был в одинаковой степени выгодным и для землевладельцев-феодалов, и для крестьян.

Во второй четверти XIX в. догадка В.Н. Татищева о существовании указа 1592 г., закрепостившего крестьян, стала подвергаться серьезному сомнению. Татищев верил, что такой указ был издан, и задача историков заключается в том, чтобы его найти. Но среди великого множества документов, ставших известными после Татищева, никаких следов гипотетического закона не оказалось.

В 1836 – 1838 гг. вышли четыре тома «Актов археографической экспедиции», в которых опубликованы материалы, охватывающие период с 1294 по 1700 г. Автор предисловия к этим материалам, а таковым, по предположению К.А. Пажитнова, был П.М. Строев, попытался несколько подновить теорию Татищева – Карамзина об указном происхождении крепостного права. За исходный пункт крестьянского закрепощения он взял реально существовавший указ от 24

ноября 1597 г. Смысл этого указа Строев видел не в установлении пятилетнего срока давности для Розыска убежавших крестьян, а в отмене статьи 88-й Судебника 1550 г., т. е. в полном запрещении крестьянских переходов[3].

Аналогичной точки зрения придерживался и Н.С. Арцыбашев – русский историк, примыкавший к так называемой скептической школе. В своем труде «Повествование о России» Арцыбашев писал, что судопроизводство «в отечестве нашем текло, как видно, прежним порядком, по Судебнику, который несколько изменился указом царя Федора Иоанновича (ноября от 24 числа 1597 года), укрепляющим крестьян за помещиками»[4].

Однако точка зрения П.М. Строева и Н.С. Арцыбашева на роль указа 1597 г. в закрепощении крестьян не была достаточно аргументирована и, как справедливо заметил К.А. Пажитнов, «не произвела в то время впечатления»[5].

Так решалась проблема происхождения крепостного права дворянскими историками в XVIII и первой половине XIX в. Однако ставил ась тогда эта проблема в повестку дня очень робко, нерешительно, поскольку правительство категорически запрещало выступать как в защиту, так и в опровержение крепостного права. Более глубокая научная разработка ее началась лишь с конца 1850-х гг., когда сами правящие верхи вынуждены были признать необходимость освобождения крестьян. При этом одни авторы продолжали стоять на позициях указной теории, другие – склонялись

признанию нарождавшейся безуказной теории закрепощения крестьян.

Сторонники указной теории фактически защищали положения, выдвинутые еще Татищевым и Карамзиным. Не соглашаясь по некоторым второстепенным вопросам, все они сходились на том, что крепостное право в России утвердилось вследствие издания некоего правительственного указа. Причем появление этого указа большинство из них относило к концу XVI в., считая, что до того времени крестьяне были свободным, бродячим населением. Такого рода мысль наиболее полно выражена в работах Б.Н. Чичерина.

Б.Н. Чичерин известен как автор теории государственного закрепощения и раскрепощения сословий. По его мнению, до XVI в. на Руси не было не только крепостного права, но и государства, которое он считал надклассовой организацией и творцом истории, ее единственной движущей силой. Государство отсутствовало тогда потому, утверждал Чичерин, что его существование было невозможно при всеобщей бродячести населения. В работе «Опыты по истории русского права» он писал: «Дружина была кочевая; бояре и слуги переезжали с места на место. То же самое делали и крестьяне; это было всеобщее брожение по всей Русской земле»[6]. В XVI в., рассуждал далее Чичерин, образовалось Русское государство, а вместе с ним появилось и крепостное право. Первыми были закрепощены бояре и дворяне, а затем крестьяне. «Вообще, – писал он, – с образованием го-

сударства возникает мысль, что каждый подданный должен нести на своем месте наложенное на него государственное тягло, мысль, которая лежит в основании укрепления крестьян. Сначала она высказывается случайно; она является как мера временная и частная; но нужно было только обобщить ее, сделать из нее государственную систему, и прямым последствием должно было сделаться всеобщее укрепление сословии»[7]. Чичерин считал, что закон, изданный в 1592 или 1593 г., лишь распространил на частновладельческих крестьян те государственные обязанности, которые уже несли остальные разряды населения – бояре, дворяне, посадские люди и черносошные крестьяне.

Таким образом, согласно утверждению Б.Н. Чичерина, закрепощение крестьянства произошло в силу необходимости всех сословий выполнять по отношению к государству определенные повинности. Причем каждый должен был служить на своем месте: бояре и дворяне на поле брани и в правительственных учреждениях, посадские люди и черносошные крестьяне отправлением в пользу государства «различных служб, податей и повинностей», наконец, частновладельческие крестьяне, кроме уплаты государственных податей, обязаны были еще служить своему помещику. В зависимости от характера службы и крепость была различной. Так, бояре и дворяне имели право свободного передвижения, поскольку их служба была повсеместной; что касается крестьян, то они были прикреплены к земле, к определен-

ным местам жительства[8].

Объявив государство создателем крепостного права, Чичерин был далек от мысли, чтобы порицать его за это. Напротив, он целиком и полностью оправдывал действия верховной власти, которая будто бы в одинаковой мере защищала интересы и заботилась о выгодах всех сословных групп населения. По мысли Чичерина, государство, закрепощая крестьян, приобщая их к общественному тяглу, намеревалось попутно решить и некоторые другие вопросы, в частности – служилых дворян от переманивания их крестьян богатыми соседями – боярами и монастырями, установить правильную финансовую систему, упрочить общественную безопасность, которая постоянно нарушалась «при общем брожении народонаселения»[9].

В дальнейшем, когда государство достаточно окрепло, заявлял Чичерин, оно перестало нуждаться в обязательной постоянной службе всех сословий и приступило к их постепенному освобождению. Первоначально манифестом Петра III (1762 г.) и Жалованной грамотой Екатерины II (1785 г.) «за долголетнюю службу отечеству» были раскрепощены дворяне. По логике вещей следующими на очереди стояли крестьяне. Государство всех закрепостило, оно же всех и раскрепостит, когда придет время. В обстановке складывавшейся революционной ситуации конца 1850-х гг. такого рода заявления имели большой политический смысл.

Теория Б.Н. Чичерина о государственном закрепощении

и раскрепощении сословий носила ярко выраженный классовый характер и призвана была отвлечь широкие крестьянские массы от активной борьбы с крепостниками-помещиками за землю и волю. Вместе с тем эта теория грубо фальсифицировала прошлое нашей страны и исторические судьбы ее народа. Так, крестьянское закрепощение Чичерин уподоблял закрепощению служилого сословия дворян, ставил по существу знак равенства между этими двумя видами «крепости». В действительности дворяне вовсе не были прикреплены ни к земле, ни к службе. Как известно, в случае отказа от службы они лишались предоставлявшийся им земли, но не возвращались принудительно на свои «старые жеребья» или места жительства. Выход из служилого состояния был совершенно запрещен лишь указом от 9 марта 1642 г. Но даже при жестких законах Петра I многие дворяне, в случае желания, находили возможность безнаказанно избегать службы. Совершенно иным было положение крестьян. Далее, причину прикрепления к земле частновладельческих, т. е. боярских, помещичьих, монастырских и церковных крестьян Чичерин видел в необходимости приобщения их к несению государственного тягла, умалчивая, что такое тягло они уже несли задолго до отмены правил Юрьева дня. Это объяснение можно еще, хотя и с большими оговорками, применить к эпохе Петра I, введшего подушную подать и распространившего ее на холопов и «гулящих людей», но оно совершенно не годится для интерпретации законодательства

конца XVI в. Чичерин грешит против истины и в том случае, когда утверждает, что черносошные крестьяне и посадские люди были закрепощены раньше крестьян частновладельческих. Такое утверждение не согласуется с показаниями источников. Ведь Судебники 1497 и 1550 гг. говорят о праве выхода в Юрьев день крестьян вообще, не подразделяя их на отдельные разряды, и предполагать, что черносошные крестьяне, жившие на государственных землях, находились в худшем положении, были более зависимы и угнетены, чем крестьяне частновладельческие, нет никаких оснований.

К середине XIX в. относится начало научной и педагогической деятельности одного из крупнейших русских буржуазных историков С.М. Соловьева. Как и Чичерин, Соловьев считал государство основной движущей силой в истории, ее демиургом. В 1857 г, вышел в свет седьмой том его труда «История России с древнейших времен», в четвертой главе которого автор касается проблемы происхождения крепостного права. В понимании этой проблемы Соловьев разделял взгляды сторонников указной теории. «К царствованию Федора, – писал он, – относится одно из самых важных в истории русских сословий явление – закон об укреплении крестьян»[10].

Необходимость закрепощения крестьян С.М. Соловьев видел в обширности Русского государства и «в малом его населении, в обилии земель и в недостатке рук АЛЯ ее обработания». Он рассуждал так: с образованием Русского цен-

трализованного государства появилась потребность в большом войске. Его основу составляли дворяне и дети боярские. Они получали за свою службу поместья, с которых должны были содержать себя, и по призыву государя являться «конны, людны и оружны». Чтобы служилый человек мог всегда исправно нести требуемую службу, он должен был иметь на своей земле необходимое количество крестьян для ее возделывания. Между тем богатые соседи постоянно переманивали их у него большими льготами. Вот почему государство, наделив служилого дворянина землею «обязано было дать ему и постоянных работников, иначе он служить не мог»[11].

Как видим, С.М. Соловьев, подобно многим другим историкам того времени, считал, что закрепощение крестьян произошло сравнительно поздно, в конце XVI в., в результате издания правительством специального закона, что мера эта была вызвана государственными потребностями.

В конце 1858 г. в славянофильском журнале «Русская беседа» появилась статья М.П. Погодина под названием «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?» Она нарушила то единодушие, которое существовало среди профессиональных историков по вопросу происхождения крепостного права в России. Погодин решительно выступил против указной теории, завоевавшей к тому времени очень прочные позиции и разделявшейся подавляющим большинством ученых и общественных деятелей.

Он пытался доказать, что никакого закона об отмене Юрьева дня никогда не существовало, что крепостное право было создано помимо участия государственной власти, ходом самой жизни. В названной статье автор писал: «Нет возможности поймать моменты водворения у нас рабства… Рабство закралось к нам изподтишка: виноват не Борис Годунов, не Иоанн Грозный, не Петр Великий, а больше всего народный характер, кроткий, смирный и терпеливый до крайностей», виноваты в конечном итоге «обстоятельства»[12]. Но какие именно «обстоятельства» вызвали к жизни крепостное право и причем тут был «кроткий» народный характер? – на эти вопросы Погодин не смог дать ответа.

Начало закрепощения крестьян в России М.П. Погодин относил к первой четверти XVIII в., ко времени петровских преобразований. Характерным для него является недооценка роли государства как активной силы в процессе возникновения и дальнейшего развития крепостного права.

Точка зрения М. П. Погодина не получила тогда широкого признания. Погодину не удалось опровергнуть теорию указного закрепощения крестьян. Тем не менее он нанес довольно сильный удар по этой теории. В его руках оказались такие аргументы, оспаривать которые было делом чрезвычайно трудным. Так, В.Н. Татищев, констатируя отсутствие в известных ему источниках указа об отмене Юрьева дня, успокаивал себя и читателей тем, что этот указ рано или поздно все же удастся найти. Но ко времени выхода в свет

статьи Погодина прошло более ста лет, в течение которых было выявлено огромное количество ранее неизвестных актов, а искомый указ об установлении крепостного права, как уже говорилось, так и не был найден. Как могло случиться, спрашивал Погодин у своих оппонентов, что исключительно важный закон, касающийся многочисленного класса жителей, определяющий их положение и по содержанию своему для исполнения повсеместный, пропал так, что нигде не нашлось ни одной копии, не говоря уже о подлинниках, которых должно быть великое множество. Более того, продолжал Погодин, во всех современных предполагаемому закону актах и в последующих указах, касающихся крестьянского выхода, нет не только никаких ссылок, но даже и намека, что этот закон когда-либо существовал [13].

Рассмотренная нами статья М.П. Погодина содержала в себе зародыш новой концепции происхождения крепостного права в России, вошедшей в историю под названием безуказной теории. Однако, если быть более точным, то, очевидно, следует признать, что ее родоначальником был не Погодин, а М.М. Сперанский.

В 1859 г. во второй книге сборника «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России» появилась работа М.М. Сперанского «Историческое обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян». Эту работу Сперанский написал еще в 1836 г., но, вероятно, из-за цензурных условий не смог ее тогда напе-

чатать и она длительное время оставалась в рукописи. К.А. Пажитнов высказал предположение, что в научных и литературных кругах работа Сперанского стала известна раньше ее публикации и что именно ознакомление с рукописью этой работы побудило Погодина выступить со статьей «Должно лисчитать Бориса Годунова основателем крепостного права?»[14].

М.М. Сперанский считал, что в древней Руси все разряды крестьян были людьми вольными. В этом вопросе сторонники нарождавшейся безуказной теории, за немногим исключением, не расходились во взглядах со своими противниками. Являясь лично свободными, древнерусские крестьяне, по мнению Сперанского, выполняли государственные и общественные повинности, а за пользование землею платили ее собственникам оброк деньгами, хлебом или работою. Они могли беспрепятственно переходить с одного места на другое, имели право покупать землю на собственное имя и пользоваться ею так же, как и другие владельцы. Но со времени проведения татаро-монголами переписи в 1257 г. в положении крестьян, поселенных на государственных землях, «произошла великая перемена». Попав в писцовые книги, они стали называться численными и должны были оставаться там, где их застала перепись. Те же крестьяне, которые жили на частновладельческих землях, по-прежнему сохраняли право перехода от одного феодала к другому[15].

Таким образом, после 1257 г., как полагал Сперанский, на

Руси произошло разделение крестьян на две группы: на прикрепленных к определенным местам жительства и на свободных, в зависимости от того на чьей земле они были поселены – на государственной или же на частновладельческой.

Следует заметить, что аналогичная мысль о роковых для крестьян последствиях татарской переписи была высказана еще в 1816 г. профессором Дерптского университета Густавом Эверсом в его книге «История руссов», однако веских аргументов для ее обоснования ни у Эверса, ни у Сперанского не оказалось.

М. М. Сперанский утверждал, что частновладельческие крестьяне не потеряли права перехода с одной земли на другую не только в период татаро-монгольского нашествия, но и в конце XVI в. По его мнению, Борис Годунов не отменял Юрьева дня, не отменяли его и другие русские государи. До первой ревизии переход крестьян не был «ни воспрещаем, ни отменяем законом общим и положительным». Но затруднения, связанные с возвращением полученной ссуды и уплатой пожилого, лишали крестьян возможности пользоваться этим правом. Сперанский делал упор на то, что письменные договоры тогда не составлялись и крестьянину нечем было доказать правильность своего перехода; он всегда рисковал считаться беглым и как таковой «возвращаем был помещику». Следовательно, «всякий переход, даже и правильный, мог быть признаваем бегством, и право перехода, хотя общим законом неотмененное, отменялось само собой на деле.

Крестьянин стал крепок земле»[16].

Прикрепление крестьян к земле Сперанский считал начальной «степенью укрепления». Последующая степень наступила с первой ревизии и первого рекрутского набора, когда крестьянин оказался «крепок» не только земле, но и помещику. Конечный вывод Сперанского таков: закрепощение крестьян «основалось сперва обычаем а потом законом, и следовательно состояние сие столь же законно, как и все другие»[17].

Большое место проблема крепостного права занимала во взглядах и деятельности славянофилов. Они касались этой проблемы во многих своих произведениях, письмах, различного рода записках постольку, поскольку допускали это цензурные условия.

Считая крепостное право «мерзостью», «глубокой и страшной язвой», «делом возмутительным» и т. д., славянофилы, как и многие другие общественные деятели и ученые середины XIX в., пытались выяснить, когда, как и в силу каких причин оно появилось на Руси. Наиболее полно их точка зрения по этой проблеме изложена в докторской диссертации И.Д. Беляева «Крестьяне на Руси».

И.Д. Беляев был крупным русским историком позапрошлого столетия. Его работа «Крестьяне на Руси», опубликованная в 1860 г., была первым фундаментальным трудом по истории крестьян. В ней освещается эпоха со времен Киевского государства до XVIII в. Написав свою работу в период

подготовки крестьянской реформы, Беляев стремился дать в ней ответы на жгучие вопросы современности.

Всю историю крестьян Беляев подразделил на три периода. Первый период – с древнейших времен до конца XVI в. На этом этапе крестьяне были людьми вольными, они могли свободно переходить с одной земли на другую и от одного владельца к другому. «Каждый мог поселиться там, где его примут», – писал И.Д. Беляев. Вместе с тем он отметил и ряд ограничений, затруднявших крестьянские переходы». Одно из них заключалось в согласии феодала или общины на поселение крестьянина. Это ограничение усиливалось по мере уменьшения необработанных, свободных земель. Вторым ограничением было разделение крестьян на тяглых и нетяглых. Тяглый человек мог уйти лишь в том случае, если община его отпустит, или если он даст за себя выкуп. Третьим ограничением являлось назначение для выхода определенного срока в году. Крестьяне, вышедшие не в установленный законом срок, возвращались на прежние места. Перечислив эти ограничения, Беляев тем не менее утверждал, что в то время все крестьяне были людьми свободными и по закону, и на деле[18].

Рассматривая далее Судебники 1497 и 1550 гг., Беляев считал, что они в сущности не изменили положение крестьян как свободных, полноправных членов русского общества. По его мнению, Судебники законодательно закрепили то, что уже было утверждено обычаем. При этом существовавшее

на местах многообразие было сведено к единству, внесена большая четкость и ясность. Установив единые правила, Судебники упростили сам процесс выхода, оградили крестьян от всяких незаконных притязаний землевладельцев и тем облегчили их положение. Даже видимая новизна Судебников – плата за пожилое и за повоз, фактически не была новостью, писал Беляев, так как и прежде крестьянин не мог уйти, не рассчитавшись с землевладельцем. Судебники установили лишь общий порядок и единую цену за пожилое и за повоз. Такого общего определения и общей цены пожилого до этого не было. Все определилось взаимным соглашением арендатора с хозяином. При такой неопределенности условий не обходилось без споров и обид[19].

Таким образом, И.Д. Беляев явно идеализировал так называемый Московский период в истории Русского государства, что вообще было присуще славянофилам. «Грозные государи московские…, – писал он, – были самыми усердными утвердителями исконных крестьянских прав, особенно царь Иван Васильевич постоянно стремился к тому, чтобы крестьяне в общественном отношении были независимы и, согласно с исконными русскими обычаями, имели одинаковые права с прочими классами русского общества»[20].

По мнению Беляева, с конца XVI в. в истории русского крестьянства начался второй период, продолжавшийся до петровских преобразований. В это время в связи с ростом тяглового гнета возникло бегство крестьян на окраины, что

в свою очередь привело к запустению земель в центре страны, к расстройству финансовой системы государства. Образовалось неразрешимое противоречие: военные расходы непрерывно увеличивались, а налоговые сборы в связи с бегством крестьян и опустением земель из года в год уменьшались. Это обстоятельство и вынудило правительство прикрепить крестьян к земле. И.Д. Беляев писал: «… крайне расстроенное положение финансовых дел и отягощение народа, наконец, вызвали московское правительство к новой, доселе небывалой мере – к общему прикреплению свободных крестьян к земле. Когда именно, в котором году, состоялась эта новая мера, совершенно изменившая жизнь русских крестьян, мы не знаем, ибо первоначальный указ о прикреплении до нас не сохранился или еще не отыскан»[21].

По предположению Беляева, не отличавшемуся, впрочем, оригинальностью, указ об отмене правил Юрьева дня появился между 1591 и 1592 гг.[22] Беляев считал, что этим указом были прикреплены к земле только те крестьяне, которые состояли в тягле, и «может быть, их дети». Братья же тяглецов, племянники, подсуседки и «вообще вольные люди, жившие за чужим тяглом», оставались свободными, пока кто сам не принимал на себя тягло. «Прикрепление для каждого, – писал Беляев, – начиналось с принятием тягла»[23].

Следовательно, И.Д. Беляев, как и другие сторонники указной теории, возникновение крепостного права в России непосредственно связывал с законодательной деятельностью

верховной власти и оправдывал это финансовыми потребностями государства. Он явно грешил против истины, когда заявлял, что отмена Юрьева дня ударила прежде всего по землевладельцам, лишив их возможности сгонять по своему произволу с земли нерадивых работников. Что же касается крестьян, то им жить стало будто бы даже легче «против прежнего времени, ибо платежи податей и отправление повинностей ложились равномернее, а следовательно, были менее тягостны»[24].

Продолжая идеализировать действия московских государей, Беляев утверждал, что прикрепление крестьян к земле не уничтожило их гражданской значимости, не сделало их крепостными. Даже после издания в 1649 г. Соборного уложения они продолжали оставаться полноправными членами русского общества. Лишь начиная с первой ревизии, писал Беляев, крестьяне мало-помалу стали превращаться в крепостных людей, в безгласную собственность своих владельцев. Полностью завершится этот процесс в царствование Екатерины II[25].

Необходимо заметить, что И.Д. Беляев в своих рассуждениях нередко противоречил сам себе. Настойчиво подчеркивая, что до преобразований Петра I крестьяне являлись «полноправными членами русского общества», он в то же время часто называл их людьми «полусвободными». Например, на странице 90 его работы «Законы и акты, устанавливающие в древней Руси крепостное состояние», говорится: «…

благодаря этому указу (1591–1592 гг. – М.Ш.) крестьяне потеряли важное право выхода из полусвободного состояния, и таким образом по закону лишились возможности и права распоряжаться своей личностью»[26]. Говоря далее, что Уложение 1649 г. «окончательно признало крестьян крепкими земле», Беляев заявлял: «Но сим прикреплением по уложению, так же, как и по прежним законам, полусвободные крестьяне не потеряли прав личности не сделались еще безгласной собственностью своих владельцев»[27].

Проблемы происхождения крепостного права касались и представители нарождавшейся в России революционной мысли. Среди них необходимо прежде всего назвать А.Н. Радищева, который первым в русской историографии подошел к объяснению общественных явлений с точки зрения интересов трудящихся, с позиций революционера. В идейном наследии Радищева нет специальных исторических работ, кроме неоконченного «Сокращенного повествования о приобретении Сибири». В центре его внимания находились события новейшего времени. Вместе с тем Радищев глубоко интересовался и древней историей своей страны, для чего он внимательно изучал «Повесть временных лет», «Русскую Правду», читал труды В Н. Татищева, М.М. Щербатова, Г.Ф. Миллера. Знание прошлого Радищеву было необходимо для того, чтобы уяснить исторические корни крепостничества и самодержавия, против которых он боролся, и обосновать свою идею революционного преобразования страны.

А.Н. Радищев нигде прямо не говорит о времени возникновения крепостного права в России; по этому вопросу он, видимо, разделял взгляды Татищева и других официальных историков XVIII в. Но Радищев решительно отвергал их доводы, что предки современных крестьян до их закрепощения будто бы являлись безземельным бродячим населением. По его мнению, в древности крестьяне не только обладали политической свободой, но и были собственниками обрабатываемой ими земли. В книге «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев писал: «Следовательно, в начале общества тот, кто ниву обработать может, тот имел на владение ею права, и обрабатывающий ее пользуется ею исключительно»[28]. Радищев высказал догадку, что главным виновником закрепощения крестьян являлся не бродячий характер их жизни, как утверждали дворянские историки, а класс феодалов, дворяне-помещики, которые при содействии государственной власти захватили землю и подчинили себе жившее на ней население[29]. В результате, писал он, крестьянин теперь не только совершенно лишен земли, «но работая ниву чуждую, зрит пропитание свое зависящее от власти другого»[30].

Вслед за А.Н. Радищевым страстными борцами против крепостного права выступили декабристы. Обладать другими людьми, закладывать, наследовать, дарить и продавать их по своему произволу они называли постыдным делом, противным человеческому разуму и законам естественным.

Крепостное право воспринималось декабристами как глубочайшее оскорбление национальной гордости и как основная экономическая причина отсталости России. «Рабство крестьян всегда сильно на меня действовало», – заявил царским следователям П.И. Пестель во время одного из допросов[31]. Горячо любя свою родину, декабристы поставили перед собой задачу избавить ее от ига крепостного права и охранявшего его царского самодержавия. «Рабство должно быть решительно уничтожено и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми»[32], – гласит программный документ Южного общества декабристов «Русская Правда». «Крепостное состояние и рабство отменяются; раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным»[33], – записано в проекте Конституции Н.М. Муравьева. В оправдательной записке, посланной на имя Николая I, Н.И. Тургенев отмечал, что главная мысль, которая постоянно владела им и управляла его поступками, заключалась в ликвидации крепостного права. Эта мысль казалась ему «священной и достойной целью всей жизни»[34]. Борьба с крепостничеством и самодержавием была в глазах декабристов великим патриотическим подвигом. Ради достижения поставленной цели они решили принести в жертву все, что имели, даже самую жизнь, не преследуя при этом никаких личных интересов.

Декабристы не только боролись против крепостного права, как реально существовавшего зла, но и стремились

осмыслить его истоки, которые, с их точки зрения, ни один официальный дворянский историк, «не исключая и Карамзина, достаточно не уважил и не объяснил»[35]. Вскрывая причины этого явления, Н.И. Тургенев писал: «Если же сия часть истории нашего отечества обработана несовершенно и не в настоящем виде, то сие происходит только от того, что историю пишут не крестьяне, а помещики»[36].

Как и А.Н. Радищев, декабристы отрицали наличие крепостничества в древней Руси. «Предки наши свободные, предки с ужасом взглянули бы на презрительное состояние своих потомков»[37], – заявлял В. Ф. Раевский. Аналогичного мнения по этому вопросу придерживались и другие декабристы. «Беспристрастная история свидетельствует, – писал, например, М.А. Фонвизин, – что древняя Русь не знала ни рабства политического, ни рабства гражданского», что в жизни древних славян «преобладала стихия демократическая – общинная»[38]. В этих высказываниях, а они не были единичным явлением, явно преувеличены демократические черты в общественном устройстве Древнерусского государства. Тем не менее их значение исключительно велико. В них содержался политический заряд большой разрушительной силы, направленный против идеи об извечности и естественности крепостных отношений. А такая идея среди дворян имела тогда очень широкое распространение. Опровержение ее декабристы считали своей первостепенной задачей.

Подчеркивая преходящий характер крепостного права,

декабристы решительно отрицали самую законность его. «Ежели это право законное, то что же беззаконное?» – резонно спрашивал А.Н. Муравьев у своих оппонентов из лагеря Скалозубов и Скотининых.

Декабристы считали крепостное право явлением относительно позднего происхождения. Они отвергали ссылки на «бродяжничество» крестьян как на причину их закрепощения. Истоки крепостного права декабристы искали в насильственных действиях помещиков и правительственной власти. Однако в силу классовой ограниченности своего мировоззрения и уровня развития современной им исторической науки они не дали да и не могли дать научно обоснованного ответа на вопрос о конкретных путях закрепощения крестьян в России. Их высказывания по этому вопросу отрывочны, лишены единства и в отдельных случаях близки к концепциям, бытовавшим в официальной исторической науке того времени. Так, М.А. Фонвизин в освещении интересующей нас проблемы фактически исходил из построений Густава Эверса. Он связывал начало закрепощения крестьян с нашествием на Русь монголо-татар и произведенной ими в 1257 г. поголовной переписи населения для обложения его данью[39]. Иную точку зрения высказал Н.И. Тургенев в книге «Россия и русские», опубликованной за границей в 1847 г. В этой книге Тургенев писал, что Борис Годунов был первым виновником униженного, рабского состояния русских крестьян. Фатальный закон, навсегда приковав-

ший их к земле, на которой они находились в момент его обнародования, издан в 1593 г. В то же время, чтобы обеспечить исполнение этого закона, была произведена перепись всех крестьян. По мнению Тургенева, текст самого закона не дошел до нас. Известно только прибавление к нему, опубликованное в 1597 г. и ограничивавшее пятью годами срок, в течение которого можно было требовать возвращения крестьян, покинувших свое местожительство[40].

Следовательно, взгляды Н.И. Тургенева на проблему происхождения крепостного права в России внешне совпадали с указной теорией, выдвинутой Татищевым и обоснованной Карамзиным. Однако, если Татищев, Карамзин и их последователи из числа официальных историков прямо или косвенно не только оправдывали, а и восхваляли крепостнические законы правительства, то Тургенев и другие декабристы стремились заклеймить их.

Н.И. Тургенев высказал довольно смелый для его времени взгляд на казенных крестьян, которые официально причислялись тогда к разряду «свободных состояний». Казенных или государственных крестьян разных ведомств он считал такими же крепостными людьми, как и крестьян частновладельческих. Следует «рассеять ложное убеждение, – подчеркивал Тургенев, – что будто бы одно сословие сельских обывателей, водворенных на владельческих землях, есть крепостное»[41]. Исходя из этого, он доказывал необходимость уничтожения как частного, так и государственного крепост-

ного права.

Революционные традиции в русской историографии, заложенные А.Н. Радищевым и декабристами, продолжили В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский и их единомышленники. Они выступили на арену общественно-политической деятельности и в тот период, когда крепостная система переживала глубокий кризис и вопрос о ее ликвидации встал перед Россией во весь свой рост в качестве основной жизненной задачи.

Подобно своим предшественникам в лице Радищева и декабристов, революционные демократы специально не занимались научным исследованием проблемы происхождения крепостного права, которое А.И. Герцен называл «гнусным, позорным, ничем не оправданным рабством»[42]. Все их помыслы, сила и энергия были направлены на освобождение народа от тяжких цепей этого рабства и охранявшего его царского самодержавия. Если же они и касались истоков крепостничества, то лишь в такой мере, в какой это диктовалось практическими потребностями революционной борьбы.

Будучи солидарными в общей оценке крепостного права и в необходимости его решительного уничтожения, революционные демократы имели и некоторое различие во взглядах на отдельные стороны этой проблемы. Так, В.Г. Белинский сущность крепостного права сводил к отмене правил Юрьева дня и связывал это с именем Бориса Годунова. По его мнению, именно Годунов явился автором увековеченно-

го русской пословицей «нововведения»: «Вот тебе, бабушка, Юрьев день!» Явно преувеличивая роль личности в истории, Белинский не смог разобраться во всей сложности социально-экономических процессов, породивших в свое время крепостное право. Он излишне оттенял своеобразие исторического развития России. «… до Годунова, – писал Белинский, – у нас не было крепостного сословия, и в этом отношении не мы у Европы, а Европа у нас могла бы с большою для себя пользою позаимствоваться. Вместо крепостного права у нас было только поместное право – право владеть землею и обрабатывать ее руками пролетариев, на свободных с ними условиях, обратившихся в обычай»[43].

Однако ошибочные представления по вопросу об истоках крепостничества не помешали В.Г. Белинскому стать непримиримым его противником. Крепостное право он считал «вредным» для России как в прошлом, так и в настоящем, и всю свою жизнь посвятил самоотверженной борьбе с ним.

По сравнению с В.Г. Белинским в решении ряда аспектов проблемы закрепощения крестьян ближе к истине подошел А.И. Герцен. Правда, и Герцену в поисках истоков крепостничества не удалось избежать широко распространенного в его время заблуждения, что в отдаленном прошлом Россия якобы была страной совершенно иного склада, чем государства Западной Европы. Древняя и удельная Русь представлялась ему в виде федерации земель с однородным на-

селением, не знавшим обособленных, привилегированных классов и борьбы разнородных социальных сил[44]. Исходя из этого, Герцен отрицал наличие крепостного права и собственного крестьянского землевладения в Русском государстве того времени. В статье «Крещеная собственность» он писал: «Крестьяне с незапамятных времен селились на частных землях, но крепостными они не были. Отношение их к помещикам было патриархальное, основанное на обычаях, на взаимном доверии»[45]. Подобно многим декабристам, Герцен в этом вопросе сделал шаг назад сравнительно с Н.А. Радищевым.

Необходимо заметить, что вопрос о закрепощении крестьян в России Герцен считал одним из наиболее запутанных в русской историографии. «Зачем наш народ попал в крепость, как он сделался рабом» – спрашивал Герцен и отвечал, что «это не легко растолковать»[46].

Герцен не разделял того взгляда, что крепостное право будто бы возникло вдруг как следствие законодательной отмены Борисом Годуновым правил Юрьева дня. По его мнению, закрепощение крестьян в России было длительным и сложным процессом, прошедшим в своем развитии ряд этапов[47]. «Крепостное право, – писал он, – шаг за шагом установилось к началу XVII века и достигло полного развития в «философское» царствование Екатерины II»[48]. Отмечая непрерывный рост крепостничества в XVII-XVIII вв., Герцен видел в этом глубочайшую

основу крестьянских войн, периодически потрясавших Россию[49]. А.И. Герцен глубже, чем его предшественники и многие современники, вскрыл классовые корни крепостного права. Всю ответственность за порабощение крестьян в России он возлагал на помещиков, опиравшихся в своих действиях на поддержку верховной власти. В противовес официальным историкам Герцен постоянно подчеркивал органическую зависимость крепостнической политики царского правительства от воли помещиков. «Царизм, сам опиравшийся на неограниченную власть, – писал он, – по необходимости должен был покровительствовать покушению помещиков на права крестьян…»[50]. Или еще: «Крестьянин был обманут, взят врасплох, загнан правительственным кнутом в капканы, приготовленные помещиками, загнан мало-помалу, по частям, в сети, расставленные приказными; прежде нежели он хорошенько понял и пришел в себя – он был крепостным»[51].

Вслед за декабристами А.И. Герцен утверждал, что крепостное право в России лишено каких бы то ни было законных оснований и является вопиющей исторической несправедливостью. Эта мысль особенно ярко оттенена им в первой прокламации, изданной Вольной русской типографией в Лондоне под названием: «Юрьев день! Юрьев день!» На ее страницах Герцен писал: «Всякое дворянство на Западе может сослаться на какие-нибудь слабые, призрачные права владения крестьянами; у нас и тех нет. Не кровью приобре-

ло русское дворянство рабов, а рядом полицейских мер, низким потворством царей, плутнями чиновников и бесстыдной алчностью своих праотцов»[52].

Нам представляется, что стремление доказать противозаконность крепостного права было продиктовано прежде всего тактическими соображениями. Но это стремление вытекало также и из общеисторической концепции Герцена, который в оценке общественных явлений оставался идеалистом и потому не смог понять экономических основ крепостного права. Это было свойственно и другим революционным демократам, в том числе Н.Г. Чернышевскому.

Н.Г. Чернышевский во многом разделял взгляды Герцена на проблему происхождения крепостного права в России. Основным виновником закрепощения крестьян он считал самодержавное правительство. Причем по мере обострения в стране классовых противоречий и углубления революционной ситуации Чернышевский высказывал эту мысль все более четко и определенно. Так, в статье «Суеверие и правила логики» (1859 г.) он писал, что «крепостное право произошло некогда от дурного управления и поддерживалось им»[53]. В прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (1861 г.) Чернышевский, обращаясь к труженикам земли Русской, указывал: «Да и вас-то в крепостные помещикам все цари же отдали, иных давно, так что вам уже и не памятно, а других не больно давно, так что деды помнят…»[54]. Наконец, в «Письмах без адреса»,

датируемых 1862 г., Чернышевский заявлял: «Крепостное право было создано и распространено властью, всегдашним правилом власти было опираться на дворянство, которое и образовалось у нас не само собой и не в борьбе с властью, как во многих других странах, а покровительством со стороны власти, добровольно давшей ему привилегии»[55].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.